

В комнате Линь Цинбай чувствовал себя неважно.

Наказав Си Аня, он и сам ощущал тяжесть на душе. Мальчик был еще слишком мал, чтобы подвергаться столь суровому взысканию. Линь Цинбай всегда отличался сдержанностью и почти никогда не позволял себе подобных вспышек гнева, но сегодняшний сон, в котором он не нашел Си Аня рядом, лишил его душевного покоя. Вероятно, он просто до смерти напугал ребенка.

При этой мысли сердце Линь Цинбая вновь пронзила острая боль. Он тяжело дышал, прижимая правую руку к груди, и сел за рабочий стол. Когда его бледные тонкие пальцы коснулись чашки с чаем, запястье внезапно предательски дрогнуло, и он не смог ее поднять. Несколько капель пролились на стол.

Линь Цинбай закрыл глаза и отставил чашку, рука безвольно соскользнула со стола и ударилась о пол. Стоило ему немного посидеть — начинала ныть поясница, стоило постоять — отнимались ноги, стоило съесть что-то не то — скручивало живот. О том, чтобы даже легко прыгнуть, не шло и речи — каждое движение давалось с трудом.

— Кха-кха-кха...

Его состояние можно было назвать лишь жалким: тело, словно разбитое, едва держало в себе угасающую искру души. Жизнь висела на волоске.

В этот момент дверь с тихим скрипом отворилась.

Он не мог гневаться, не мог мерзнуть — всё его естество казалось заново собранным из кусков, готовых в любой миг развалиться. Вдобавок ко всему, новый Император демонов оказался безумцем, жестоким и кровожадным, превзошедшим своего отца во сто крат.

Си Ань, словно юркий голец, проскользнул в комнату. В руках он держал чашку с лекарством. Отвар был горячим, и мальчик, похожий на маленькую взволнованную обезьянку, поочередно дул на покрасневшие ладошки.

— Горячо, горячо, очень горячо!

Когда Линь Цинбай открыл глаза, он встретился взглядом с заплаканным ребенком. Его тело всегда было таким — болезненным, слабым и дряхлым.

Однако жизнь Линь Цинбая, некогда любимца небес, год назад круто изменилась. В Мире Бессмертных все обладали Дэвной Силой, жили вечно и были невероятно сильны. Линь Цинбай, родившийся в секте бессмертных, с детства отличался острым умом и выдающимся талантом. С юных лет он вел Род бессмертных в сражения против восставших демонов, не зная поражений, и еще в молодости был провозглашен Бессмертным почтенным Цинъюанем, чье имя гремело на весь мир.

Но в решающей битве между бессмертными и демонами, когда старый Император демонов погиб и к власти пришел новый, Линь Цинбай из последних сил сразил врага, но сам истощил жизненные силы, и его душа низринулась в мир смертных.

Когда Линь Цинбай очнулся, он обнаружил, что вселился в тело смертного Ванъе по имени Бай Сюй. Это событие можно было назвать и удачей, и проклятием. К счастью, этот Ванъе происходил из знатного рода и был родным братом действующего Императора, занимая высочайшее положение при дворе. Но, к несчастью, тело Бай Сюя было крайне слабым.

Когда Линь Цинбай попал в этот мир, Бай Сюй был при смерти: высокий жар не отпускал его, лекари пророчили ему не более трех дней жизни, и сам Император приходил проститься с братом. К изумлению всех, Бай Сюй выжил — многие решили, что это милость Императора даровала ему спасение. Слуги падали ниц, радуясь его выздоровлению, словно празднуя рождение наследника.

Но даже после болезни тело оставалось невероятно хрупким. Сказать, что он был слаб, — значит ничего не сказать. Смертные рождались без Дэвной Силы, жили недолго и были самыми уязвимыми существами во вселенной.

Линь Цинбай до сих пор не мог привыкнуть к этому телу спустя год. Вспомнив об этом, он подавился воздухом и вновь зашелся в приступе кашля, от которого в поясице отозвалась ноющая боль.

— Учитель...

Линь Цинбай продолжал кашлять, не имея возможности даже ответить Си Аню. Мальчик поспешно опустился на колени перед ним и начал похлопывать по спине.

— Учитель, дышите медленнее.

От легких прикосновений маленьких ладошек кашель постепенно утих. Линь Цинбай, прикрывая рот рукой, прерывисто дышал. Си Ань опустился рядом, не сводя с него внимательного, тревожного взгляда.

— Учитель, вам все еще больно? — тихо спросил мальчик.

Он сидел очень близко, его глаза были полны участия. Линь Цинбай через силу постарался придать голосу холодность:

— Пустяки.

Но не прошло и секунды, как Си Ань разрушил его маску:

— Но ведь вы плачете, учитель...

Голос Си Аня звучал мягко и нежно. Не дожидаясь ответа, он протянул руку, чтобы коснуться глаз Линь Цинбая. Тот лишь сейчас осознал, что на его лице действительно влажно. Линь Цинбай поспешно отвернулся и оттолкнул руку ребенка.

— Это от кашля, а не слезы, — отрезал он.

Си Ань замолчал, продолжая с надеждой смотреть на учителя. Линь Цинбай чувствовал себя неловко и хотел поскорее закончить этот разговор. Поджав губы, он, несмотря на то, что сердце его переполняла жалость, холодно произнес:

— Я велел тебе стоять в углу час. Время уже вышло? Кто позволил тебе войти?

Си Ань тут же пододвинул чашку с лекарством ближе к Линь Цинбаю:

— Тетушка Лянь приготовила отвар и попросила меня принести. Я уйду, как только вы выпьете.

Линь Цинбай взглянул на темно-коричневую жидкость и нахмурился. Он с детства не выносил горечи, и каждое лекарство вызывало у него рвотные позывы. В другое время он ни за что не стал бы это пить, но под пристальным взглядом ребенка он не мог позволить себе проявить слабость.

Линь Цинбай взял чашку и залпом выпил отвар. Даже несмотря на скорость, горький привкус остался во рту, и он потянулся за чашкой с водой.

— Учитель, нельзя пить чай сразу после лекарства, — Си Ань перехватил его руку. Боясь, что учитель его не послушает, он надул губки и сослался на авторитет: — Это сказала мне госпожа Лян Яочу.

Затем Си Ань опустил голову и достал из-за пазухи белый платок, на котором лежала горсть ярко-красных ягод. Они блестели на свету — это была любимая лесная земляника Линь Цинбая.

Линь Цинбай застыл. Он наблюдал, как маленькие пальчики Си Аня перебирают ягоды, выбирая самую крупную и спелую. Тщательно протерев её о свою грязную одежду, мальчик протянул её ко рту учителя, во все глаза глядя на него.

Ягода была не самой чистой. Но Линь Цинбай послушно открыл рот, позволяя ребенку положить её себе на язык. Земляника оказалась кисло-сладкой, её сок мгновенно перебил горький вкус лекарства.

— Вкусно, учитель?

Си Ань смотрел на него с такой надеждой, что Линь Цинбай медленно кивнул. Мальчик тут же просиял: его глаза превратились в полумесяцы, а на щеках проступили ямочки.

Линь Цинбай опустил взгляд на ягоды и, помолчав, спросил:

— Что ты делал снаружи?

— Я ходил за земляникой.

— Зачем?

— Разве вы ее не любите?

Ответ прозвучал так естественно, что Линь Цинбай невольно сжал край своего халата.

— Откуда ты знал?

Си Ань улыбнулся:

— В прошлый раз, когда слуга Сяо Цин вернулся из родных мест и привез корзину диких ягод, я заметил, что вы выбираете только землянику. Значит, она вам нравится. Я даже спрашивал у госпожи Лян Яочу, она сказала, что она полезна для вашего здоровья, поэтому я и пошел собирать. Учитель, вам правда нравится?

Земляника обычно растет в труднодоступных горных местах, её мало, и собрать ее очень сложно, поэтому на рынке она почти не встречается. Линь Цинбай не хотел даже представлять, как такой маленький ребенок карабкался по горам, чтобы собрать эти плоды.

Глядя на перепачканное, как у котенка, лицо Си Аня и грязную, испачканную в земле одежду, Линь Цинбай почувствовал, как остатки гнева бесследно исчезли, сменившись чувством вины и нежности. В горле пересохло, и он с трудом прошептал:

— Нравится.

Си Ань радостно воскликнул и указал на дверь:

— Учитель, снаружи еще целая корзина! Как только через пару дней выглянет солнце, я высушу их, и вы сможете есть их с лекарством — тогда вам совсем не будет горько.

Линь Цинбай тихо ответил:

— М-м.

Увидев, что учитель оттаял, Си Ань осмелел и придвинулся ближе:

— Так вы все еще сердитесь на меня?

Си Ань всегда знал, как добиться любви. Стоило ему взглянуть на Линь Цинбая этими жалостливыми глазенками, как тот терял всякую способность злиться.

Линь Цинбай помедлил, закрыл глаза и сурово добавил:

— Если подобное повторится, я обязательно тебя накажу.

Едва Си Ань обрадованно хихикнул, как заметил, что учитель нахмурился, прижал руку к пояснице и слегка согнулся. Мальчик тут же подобрался ближе и тихо спросил:

— Учитель, вы долго сидели, поясница болит?

Линь Цинбай не мог долго сидеть — стоило провести в кресле лишнее время, как в пояснице начинало ломить, будто туда положили кусок льда, а тело пронзали острые иглы холода. И руки его были холоднее поясницы, растирание не помогало.

Линь Цинбай не ответил, продолжая сидеть с закрытыми глазами, и тогда маленькие ладошки Си Аня легли на его поясницу. Руки у мальчика были горячими, словно маленькие печки. Это был не первый раз, когда Си Ань растирал ему спину. Удивительно, но Линь Цинбай, который обычно не терпел прикосновений и даже при проверке пульса требовал подложить платок, к Си Аню не испытывал ни малейшего отторжения.

Возможно, потому, что тот был еще ребенком.

Линь Цинбай задумался, и лишь спустя время понял, что руки Си Аня перестали двигаться. Открыв глаза, он увидел, что мальчик уснул, склонившись на его колени. Си Ань спал крепко, чуть приоткрыв рот, и было слышно его ровное дыхание.

Ночь была глубокой. Линь Цинбай, собрав остатки сил, осторожно переложил Си Аня на кровать. Затем он принес таз с водой и бережно смыл грязь с лица ребенка. Его движения были мягкими, он долго работал полотенцем, чтобы очистить каждую полоску засохшей земли.

Закончив, Линь Цинбай сел на край кровати и тихо смотрел на мальчика.

На самом деле Си Ань был не единственным его учеником. У него было их великое множество — он даже не всех мог вспомнить по именам. В Море Бессмертных каждый мечтал стать его последователем. Те дети были талантами, способными по мановению руки вызывать бури, но они всегда относились к Линь Цинбаю с излишней почтительностью. Встретив его издали, они склонялись в низком поклоне, боясь подойти ближе, словно само присутствие рядом с ним было проявлением неуважения.

По сравнению с ними Си Ань, выходец из низов, был лишь песчинкой. И все же никто из тех великих учеников не помнил, что он любит, никто не осмеливался коснуться его, чтобы облегчить боль.

Си Ань во сне что-то пробормотал, перевернулся и раскинулся на кровати «звездочкой». В свете свечи его личико казалось озаренным теплым светом. Оно было таким ярким, словно цветок подсолнуха, который никогда не знает печали.

Линь Цинбай смотрел на ребенка и, подняв руку, нежно коснулся его щеки. В конце концов, он еще ребенок. Если правильно воспитать его, он вырастет послушным.

Линь Цинбай убрал прядь волос со лба Си Аня. В его глазах больше не было прежнего холода — лишь мягкий, теплый свет.

— Эх ты... если бы ты был хоть немного послушнее.

<http://bllate.org/book/22078/2295862>